

Сборнику предпослана вступительная статья Б. Н. Путилова «Русские исторические песни XIII—XVI веков», в которой говорится о принципах издания и дана краткая характеристика песен XIII—XVI веков. Б. Н. Путилов изложил здесь положения и выводы, к которым пришел в результате многолетнего изучения ранних исторических песен (они развивались им в статьях и большом исследовании). Среди этих положений есть спорные, могущие послужить предметом научной дискуссии (например, о рязанском песенном цикле, о датировке некоторых сюжетов песен о борьбе с татарами и турками, об исторической основе и соотношении редакций песни о гневе Грозного на сына). Для решения этих вопросов необходим тщательный анализ всех вариантов песен, а предлагаемое издание дает материал для этого.

Очень ценно, что в свод включены и все имеющиеся записи мелодий исторических песен, подготовленные к печати Б. М. Добровольским (у П. В. Киреевского, и В. Ф. Миллера даны только тексты; отсутствуют нотные записи и в большинстве сборников, включающих исторические песни). Мелодии исторических песен совсем не изучены, а они могут много дать для выяснения таких важных вопросов, как жанровая специфика исторических песен, связи их с другими жанрами, значение областной традиции и др. Поэтому можно только пожалеть, что вступительная заметка Б. М. Добровольского о мелодиях исторических песен так коротка.

В целом же подготовленный фольклористами Пушкинского дома свод исторических песен XIII—XVI веков — прекрасный подарок фольклористам, а также историкам и литературоведам, и надо пожелать, чтобы поскорее вышли и следующие выпуски, посвященные песням XVII—XIX веков.

В. Соколова

НОВАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ *

Вышедшие в прошлом году научно-популярные «Очерки по истории антропологии в России» М. Г. Левина являются пока единственной сводной работой, посвященной интересному и важному вопросу по истории науки. В довоенное время вопросом этим почти никто серьезно не занимался. В «Кратком курсе антропологии», изданном в 1941 г., например, ему было отведено менее двух страниц, на которых совсем не упоминались имена А. Н. Радищева, Н. Г. Чернышевского и даже Н. Н. Миклухо-Маклая. После войны, главным образом, на страницах «Советской этнографии» появилось несколько статей, посвященных отдельным этапам истории отечественной антропологии. Однако общая картина развития этой науки в России так и оставалась неосвоенной до выхода в свет рецензируемого труда. Ясно, таким образом, что появление небольшой по объему, но богатой по содержанию книги М. Г. Левина надо всячески приветствовать.

В «Очерках истории антропологии в России» семь глав, содержание которых хорошо передается их заголовками: «У истоков русской антропологии» (стр. 3—16). «Антропологические работы К. М. Бэра» (стр. 17—39), «Вопросы антропологии в трудах русских революционных демократов» (стр. 40—56), «Н. Н. Миклухо-Маклай» (стр. 57—79), «А. П. Богданов» (стр. 80—105), «Д. Н. Анучин и русская антропология предреволюционных десятилетий» (стр. 106—137), «Советская антропология» (стр. 138—161). В целом все главы заслуживают самой высокой оценки. Общим их достоинством являются многочисленные, большей частью недавно еще малоизвестные фактические данные по истории антропологии в нашей стране, последовательное стремление автора рассматривать развитие этой отрасли знания в связи с развитием других наук, как биологических, так и общественных (в особенности анатомии, медицины, этнографии, археологии), выделение прогрессивного, материалистического направления в работах русских антропологов. Много внимания М. Г. Левин уделяет также борьбе передовых отечественных ученых и общественных деятелей с расизмом, который в России, в отличие от многих стран Западной Европы и Америки, никогда не имел широкого распространения.

Значительное место в «Очерках по истории антропологии в России» отведено, на наш взгляд вполне законно, проблемам происхождения человека и этнической антропологии, в особенности вопросам этногенеза в свете антропологических данных. М. Г. Левин прослеживает развитие эволюционной теории антропогенеза в России, начиная от Афанасия Каверзнева и А. Н. Радищева до Д. Н. Анучина и советских антропологов. Наиболее подробно разрабатываются взгляды К. М. Бэра — одного из основоположников русской антропологии. Глава о Бэре — несомненно одна из наиболее удачных в рецензируемой книге.

Касаясь вопроса об истоках этнической антропологии в нашей стране, М. Г. Левин правильно замечает, что «накопление антропологических сведений о населении России

* М. Г. Левин, Очерки по истории антропологии в России, Изд. АН СССР, М., 1960. Ответственный редактор Я. Я. Рогинский, 175 стр.

началось задолго до того, как были выработаны специальные методы антропологических исследований, и шло в непрерывной связи с накоплением этнографических материалов» (стр. 14). Среди выдающихся представителей русской науки, интересовавшихся общими и частными вопросами этнической антропологии были В. Н. Татищев, С. П. Крашенинников, К. М. Бэр, Н. Г. Чернышевский и другие революционные демократы, Н. Н. Миклухо-Маклай, А. П. Богданов, Д. Н. Анучин. В главе «Советская антропология» М. Г. Левин останавливается на работах ученых СССР, посвященных проблемам происхождения человеческого рас, их классификации, соотношению расовых, этнических и языковых категорий, конкретной истории антропологического состава различных народов нашей Родины. Несомненно, что работы эти «помимо своего основного позитивного значения, имели не менее важное значение в идеологической борьбе с реакционными концепциями, и в первую очередь в борьбе с лженаучными „теориями“ расизма» (стр. 160).

Не все периоды развития отечественной антропологии освещены в работе М. Г. Левина достаточно полно. Правда, в аннотации в начале книги прямо сказано, что «настоящие очерки, по замыслу автора, должны ознакомить широкого читателя лишь с основными этапами истории антропологии в России, главнейшими ее деятелями, с разработкой важнейших проблем» (стр. 2). Но все же досадно, что автор только вскользь упоминает о накоплении данных о физическом облике народов России в средние века (стр. 14), мало внимания уделяет работе Русского Географического общества, в частности организации им многочисленных этнографических экспедиций, совсем игнорирует деятельность Н. И. Надеждина и составленную им программу сбора этнографических материалов, в которой видное место было отведено физической антропологии, мало внимания уделяет развитию Музея антропологии и этнографии в Петербурге в конце XIX — начале XX в. Перечень антропологов дореволюционной России было бы целесообразно дополнить именами В. В. Воробьева, Н. В. Державина, А. Н. Краснова, Ю. Д. Талько-Гринцевича и некоторых других ученых, оставивших заметный след в истории антропологической науки.

Известные возражения вызывает оценка М. Г. Левина взглядов отдельных ученых старой России на вопросы происхождения человека и его рас. В наибольшей степени возражения эти относятся к главе «Антропологические работы К. М. Бэра» (стр. 14—40), в целом очень удачной. Как известно, Бэр в своих ранних работах высказывался в пользу трансформации, но впоследствии резко отрицательно отнесся к трудам Ч. Дарвина, в частности к его теории происхождения человека от обезьяны. М. Г. Левин указывает на «противоречивость его позиции и глубокие заблуждения в трактовке вопроса о происхождении человека» (стр. 29). Вместе с тем автор рецензируемой книги категорически отвергает креационистские тенденции во взглядах Бэра (стр. 32). Но разве телеологическое понимание развития природы и человека не приводит неизбежно к идеализму, а в конечном счете, и к креационизму? Было бы правильнее не говорить об отрицании Бэром креационизма, но еще более четко выявить глубокие противоречия, свойственные ему в этом, как и во многих других, вопросах.

Наибольшее количество критических замечаний можно сделать по последней главе рецензируемой книги «Советская антропология». Слишком коротко пишет автор об идейной борьбе в советской антропологии в 30-х годах нашего века, о коренной перестройке антропологической науки в СССР на основе методологии марксизма-ленинизма (стр. 139).

Не отражены в частности острые дискуссии, имевшие место в 1930-х годах вокруг проблем антропогенетики, изучения наследственности человека, а также взаимоотношения антропологии с общественными науками — археологией, этнографией, языковедением и др. Хотя бы кратко надо было упомянуть о критике учеными СССР псевдоматематических приемов антропологического анализа и о разработке новых методов применения вариационной статистики к проблемам морфологии человека, палеоантропологии и расоведения.

Большого внимания заслуживает на наш взгляд деятельность Музея антропологии МГУ, которому М. Г. Левин посвятил всего две строчки (стр. 139). Даже для научно-популярных очерков мало сказано о периодических изданиях по антропологии — «Русском антропологическом журнале» и «Антропологическом журнале» (стр. 140). Пришедшие им на смену «Советская антропология» и «Вопросы антропологии» совсем не упомянуты, хотя в библиографическом списке и есть ссылки на первое из этих изданий (стр. 162, 169, 172, 173). Было бы полезно также информировать читателей о том, что антропологическая тематика занимает видное место в журнале «Советская этнография», в Кратких сообщениях и Трудах Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. Жаль, что среди советских антропологов не названы имена В. Г. Штефко и Ю. Г. Ауля, работы которых имеют существенное значение для различных разделов антропологической науки; слишком мало места уделено работам А. И. Ярхо (стр. 158), которому принадлежат ценные исследования не только по этнической антропологии тюркоязычных народов СССР, но и по многим другим разделам антропологической науки.

Можно, наконец, упрекнуть М. Г. Левина в том, что он не остановился в своих «Очерках» на работах советских ученых по палеоантропологии и этнической антропологии зарубежных стран. Читателям было бы очень интересно знать, что советские антропологи (в их числе и автор рецензируемой книги), частично основываясь на ори-

гинальных материалов, собранных в различных странах Азии, Европы и Америки, самым активным образом участвуют в разработке многих проблем этнической истории народов этих частей света. Особенно значителен вклад исследователей СССР в антропологическое изучение древнего и современного населения Китая, Кореи, Японии, многих народов Центральной Европы, американских индейцев и эскимосов.

Следует выразить надежду, что в следующем издании ценной и интересно написанной книги М. Г. Левина, которое является очень желательным, будет освещена и эта область деятельности советских антропологов.

Н. Чебоксаров

ЧЕШСКАЯ КНИГА О РУССКИХ СКАЗКАХ *

В «Трудах» университета в Брно вышла книга Ярослава Мандата — первая часть его исследования, посвященного русским сказкам и их роли в развитии русской литературы XVII — начала XIX в. Рецензируемая книга содержит четыре главы, в основном историографического характера. Вторая часть еще не опубликована.

Первая глава книги Ярослава Мандата посвящена общим вопросам взаимоотношений литературы и фольклора. Автор рассматривает историю этого вопроса в русской, главным образом советской, фольклористике. Он подчеркивает необходимость изучения не только того, что тот или иной писатель берет из народного творчества, но прежде всего того, как он обрабатывает фольклор, какова функция этих фольклорных элементов в литературных произведениях. Исследователь литературного процесса, справедливо утверждает Ярослав Мандат, обязан показать, как используемый писателем фольклорный материал превращается в литературу, насколько он становится выражением мыслей и чувств обратившегося к нему автора.

Вторая глава книги посвящена фольклоризму «допушкинского», по терминологии автора, периода русской литературы. В ней Ярослав Мандат дает краткую характеристику эпохи и намечает два основных периода в историческом развитии фольклоризма XVII — начала XIX в.: дорадищевский и послерадищевский. В первом он выделяет несколько последовательных этапов: XVII век, эпоха петровских преобразований, расцвет русского классицизма (30—50-е годы XVIII в.), допугачевский период (60-е — первая половина 70-х годов XVIII в.), от восстания Пугачева до появления книги Радищева. Нельзя не согласиться с автором, что обращение к фольклору русских писателей в каждом из этих отрезков времени действительно несло в себе качественно новые черты. Во втором периоде автор различает два этапа, разделом между которыми служит 1812 год.

Две первые главы книги Ярослава Мандата составляют теоретическое и историографическое введение к основной части исследования. Третья глава посвящена самой русской народной сказке. Отмечая сложность поставленной задачи — осветить роль народной сказки в развитии русской литературы, автор указывает на отсутствие подлинных записей народной сказки эпохи феодализма, а также на отсутствие целостной марксистско-ленинской теории сказки, на которую он бы мог опереться в своем исследовании. Исследователь все же пытается дать характеристику русской сказки допушкинского периода, причем и здесь, как и в предшествующих главах, подробно рассматривает всю имеющуюся по этому вопросу исследовательскую литературу.

Наконец, последняя глава книги посвящена вопросу о взаимоотношении рукописной повествовательной литературы XVII—XVIII вв. и устной народной сказки. В этой главе Ярослав Мандат дает классификацию русской рукописной повести, кладя в основу ее генетический принцип. Он рассматривает две основные выделенные им группы повестей: оригинальные и переводные, причем в первой группе различает повести, написанные на фольклорной основе, и повести книжного происхождения.

Здесь рассматриваются и повести, возникшие ранее XVII в., но продолжающие бытовать в списках XVII—XVIII столетий (например, повесть о Петре и Февронии Муромских), а также повести, возникшие в исследуемый период (например, «Повесть о Шемякином суде»).

Из оригинальных повестей, написанных на фольклорной основе, кроме двух названных выше, рассматриваются «Повесть о новгородском посаднике Шипе», «Повесть о купце», «Повесть о Ерше Ершовиче» и др.

Оригинальными повестями книжного происхождения Ярослав Мандат считает «Повесть об Азовском сидении», «Историю о Ярополе царевиче», «Историю о российском матросе Василии Корианском» и ряд других. Рассматривая все эти повести, автор обнаруживает в них, независимо от их происхождения, сильнейшее влияние фольклора, в частности устной сказки.

* Yaroslav Mandát. *Lidová pohádka v ruském vývoji literárním*. Praha, 1960, 158 стр.